

ОБРАЗ ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В русской поэзии, в том числе и в поэзии первой половины XIX века, образ времени является одним из высокочастотных. Проблема времени интересовала людей с древности, а разнообразные попытки его осмысления только подтверждают это.

Специфической особенностью русского языкового сознания является то, что время понимается носителями языка не как «безликая числовая ось», каковая количественная информация, а как вместилище событий: *Ты жизнь увидела во дни моей весны, Дни чистые, когда все в жизни так прекрасно, Так живо близкое, далекое так ясно, Когда лелеют нас магические сны* (Жуковский. В альбом А. А. Протасовой) — *Давно без крова я ношусь, Куда подует самовластье; Уснув, не знаю, где проснусь, Всегда гоним, теперь в изгнание Влachu закованные дни* (Пушкин. К Языкову) — *Дни отрадны! Где сокрылись Ваши светлость и красоты? Мраком горести затмились Пржегни ясные часы* (Капнист. Ода на уныние). По сути время выступает другим названием жизни, которая «мыслится и описывается в категориях времени» [2].

Качественная значимость темпоральных показателей предопределяет поведение слов данной лексико-семантической группы в художественном пространстве, которые могут выходить за пределы предписываемых им в толковых словарях количественных характеристик и действовать даже вопреки этим характеристикам: *Слова сливались в летанье. Мгновенье долгое прошло, И наконец ее страданье Свободный голос обрело* (Баратынский. Бал); *Отвыкнул чувствовать, отвыкнул мыслить он, На собственных пирах вздыхает он украдкой, Что для т-ся для него мгновенья жизни краткой* (Баратынский. Н. И. Гнедичу). Как известно, мгновение — очень короткий промежуток времени, ограниченный, по В. И. Далю, «временем однократного миганья, секундой» [1, т. 2, с. 325]. Семантическая структура этого темпорального существительного включает семы 'краткий', 'быстрый', 'скоротечный', поэтому появление определения *долгое* и предлика *длиться* кажется парадоксальным. *Долгое мгновение, мгновенья длятся* — оксюморонные сочетания, в которых семы составляющих их компонентов не только логически не совместимы, но и входят в отрицательный импликационал друг друга. В данных номинациях происходит нивелировка временной оппозиции *мгновение* — *вечность*, что, по Л. В. Щербе, отражает «свежий взгляд на пришельца вещи».

Мигам, мгновениям, минутам могут соответствовать целые фрагменты жизни человека, а порой и вся жизнь. *Расстались мы; на миг очарованьем, На краткий миг была мне жизнь моя; <...> Я все имел, лишился вдруг всего; Лишь начал сон ... исчезло сновиденье! Одно теперь унылое смущенье Осталось мне от счастья моего* (Баратынский. Разлука) — традиционная поэтическая метафора *жизнь* — *сновиденье* подчеркивает быстротечность бытия, а сравнение *жизни* с

кратким *мигом очарования* говорит об особой значимости для лирического героя данного отрезка времени (жизнь с любимой — *миг очарования*). Е. С. Яковлева отмечает, что 'кратковременность' в подобных случаях означает элементарность «минуты, миги, мгновения, моменты — это атомарные единицы трех взаимосвязанных и взаимопротивопоставленных моделей времени», причем минуты «манифестуют время обиходное, бытовое, это вместилище повседневных эмоций, дел, настроений; время минут ограничено кругом человеческого существования», а миги и мгновения — это «надбытовое время событий исключительных, особо значимых с точки зрения субъекта; мгновения и миги надвременны — они соотносятся с вечностью» [3, т. 2, с. 243]. Не случайно, наверное, А. С. Пушкин говорит именно о *чудном мгновении* (*Я помню чудное мгновенье: Передо мной явилась ты Как мимолетное виденье, Как гений чистой красоты*), а не о минуте или какой-то другой темпоральной единице, подчеркивающей кратковременность происходящего. *Чудное мгновенье* — смысловой центр всего текста, поскольку для субъекта высказывания это не просто встреча, а незабываемое, исключительное по своей значимости событие.

Слова категории времени (*миг, мгновение, минута, час, момент, день, год, пора, век, эпоха, година* и наиболее универсальный темпоральный показатель — *время*) антропоцентричны и служат для описания не только физиологической сферы, сферы природного бытия, но и сферы духовной, ментальной. Однако возможности темпоральных существительных не одинаковы: как правило, *часы, мгновения, минуты, миги* проецируют события на внутренний мир, тогда как для описания внешнего мира (социального, культурно-исторического) используются *дни, времена, века, эпохи, годы, лета*. В свою очередь переход от *дня* к *часу* (то есть от более крупной временной единицы к более мелкой) «знаменует смену мировоззрений <...>, дополняется восприятием жизни в категориях внутреннего созерцания, которое с необходимостью предполагает личностную ориентацию» [3, т. 2, с. 245].

В поэзии первой половины XIX века наиболее часто используются такие темпоральные единицы, как *день, миг, мгновение, час* и общее их название — *время*. Очевидно, подчеркнутая субъективность поэзии, ее направленность на духовный мир человека обусловили частотность «мелких» временных единиц, поскольку именно они предназначены для описания ментального плана жизни. Из крупных темпоральных показателей преобладают *годы /лета/ и век*. Как правило, качественная значимость темпоральных единиц подчеркивается подбором соответствующих определений-эпитетов, которые или эксплицируют устойчивые языковые образы времени в художественном тексте, или отражают субъективное восприятие времени автором.

Время в поэтических контекстах многолико и приобретает различные образные соответствия, хотя тропы строятся преимущественно на традиционных языковых метафорах: *время бежит, время идет, время летит, время течет*. У поэтов первой половины XIX века преобладает «*летающее*» время, в основе которого лежит мифологическое представление о времени как о крылатом божестве: *Познай же цену срочных дней, Лови пролетное мгновенье!*

Исчезнет жизни сновиденье: Кто был счастливей, был умней (Баратынский. Добрый совет); Творец ограничил летучий наш век, И нас за могильной доскою, За миром явлений, не ждет ничего, — Творца оправдает могила его (Баратынский. На смерть Гете); Вы, чья жизнь полна красы, На лету ловите счастья Ненадежные часы (Баратынский. «Наслаждайтесь: все проходит...»). Параллель время — полет актуализирует образ времени-птицы. «Не льстись ничем ты вечным в свете,» — Твердит тебе то год, и час, И миг, что в молненном полете Крыло времен несет от нас (Капнист. Суетность жизни): полет (характеристика и птицы, и времени) ↔ крыло (атрибут птицы) ↔ время-птица. Этот образ часто эксплицируют определения быстрокрылый, воскрыленный, крылатый (быстрокрылый миг, воскрыленные лета /годы/, крылатый миг, час, день).

Амбивалентность мира — единство человека и природы, единство внутреннего и внешнего — обусловили распространенность в поэзии XIX века *антропоморфного* образа времени, которое ведет себя как человек и наделяется человеческими качествами: время может пугаться /Бежит испуганное время (Глинка. Созерцание)/, завидовать /Но я страшусь: тех высей темя Обвалом в бездну упадет, Или завистливое время Черты заветные сотрет (Бенедиктов. К А. П. Г<артонг>)/, быть гордым, старым (дряхлым), надменным, храбрым, изнеженным, скупым, жалным: Пускай забот свинцовый груз В реке забвения потонет, И время жадное в сей тайной сени муз Любимца их не тронет (Батюшков. Беседка муз); Вкруг любовника седого Девы скачут и поют; Он у времени скупого Крадет несколько минут (Пушкин. Гроб Анакреона); Публике наскучило простое, Мудреное теперь любезно для нее: У века дряхлого испортилось чутье (Баратынский. Богдановичу); В наш век изнеженный не так ли ты, поэт, Свое утратил назначенье, На злато променяв ту власть, которой свет Внимал в немом благоговенье? (Лермонтов. Поэт); Предрассудок! он обломок Давней правды. Храм упал; А руин его потомок Языка не разгадал. Гонит в нем наш век надменный, Не узнав его лица, Нашей правды современной Дряхлотного отца (Баратынский. Предрассудок).

Восприятие темпоральных существительных как каких-то живых существ порождает множество ассоциаций, благодаря которым возникают сложные поэтические образы времени, основанные на синтезе традиционных мотивов, сравнений, метафор. Хоть тяжело порой в ней бремя, Телега на ходу легка; Ямщик лихой, седое время, Везет, не слезет с облучка (Пушкин. Телега жизни) — сочетание седое время эксплицирует образ времени-старика (седой — старый), а развертывание художественной метафоры телега жизни, которая мотивирована традиционными представлениями жизнь — дорога, жизнь — путешествие (дорога жизни → телега жизни), приводит к уподоблению хода времени передвижению по дороге. Возникает персонифицированный образ времени-ямщика, которое управляет человеческой жизнью (жизнь — телега).

Близкий к этому, но еще более неожиданный образ времени создает Е. А. Баратынский в стихотворении «Дорога жизни»: В дорогу жизни снаряжая Своих сынов, безумцев нас, Снов золотых судьба благая Дает известный нам запас. Нас

быстро годы почтовые С корчмы довозят до корчмы, И снами теми роковые
 Прогоны жизни платим мы. Реализация метафоры жизнь — дорога идет не только на сопоставлении жизненного пути человека и путешествия куда-либо, но и на совмещении прямого и переносного планов, вследствие чего адекватная интерпретация словообразов (*почтовые годы, роковые прогоны жизни*) невозможна без привлечения фоновых знаний. Так, длинные путешествия в XIX веке совершали *на долгих* — на одних и тех же лошадях, не сменявшихся на постоялых дворах [1, т. 1, с. 460], *на перекладных* — в экипаже с лошадьми, из которого на станциях пересаживались в другой экипаж, перекладывая в него и вещи [1, т. 3, с. 58], *на своих* — на собственных лошадях и *на почтовых* — наемных экипажах, предоставляемых почтой — государственным учреждением, осуществлявшим в России регулярную перевозку грузов и пассажиров [1, т. 3, с. 372]: *В поля, друзья! скорей, скорей, В каретах, тяжко нагруженных, На долгих иль на почтовых Тянитесь из застав градских* (Пушкин. Евгений Онегин). Поскольку в стихотворении Е. А. Баратынского речь идет о передвижении, прямая номинация *почтовые кони/лошади* (*почтовые* — логическое определение) как бы совмещается с образной: *почтовые годы* (*почтовые* — метафорический эпитет) ↔ *годы-кони*. Возникает образ времени-*"тройки"*, летящей по дороге жизни, а правомерность такой трактовки подчеркивает метафорическое употребление слова *прогоны*. означавшее плату за проезд на лошадях от одной станции до другой [1, т. 3, с. 476].

Как показывает анализ поэтических произведений первой половины XIX века, *время* в художественном мире не является абстракцией: выступая активным субъектом действия, оно приобретает различные семантико-стилистические коннотации и воплощается в самых неожиданных образах (*время-птица, время-старик, время-ямыцки, время-«тройка»*).

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — М., 1998
2. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира: Модели пространства, времени и восприятия. — М., 1994.
3. Яковлева Е. С. К описанию времени в картине мира носителя русского языка // Семантика языковых единиц: В 2 т. — М., 1996. — Т. 2. — С. 242 — 245.

С. Б. Кураш, А. О. Рудько (Мозырь)

КОНЦЕПТ ПРОСТРАНСТВО В ПОЭЗИИ (на материале русских и белорусских поэтических текстов)

Язык поэзии, как и язык вообще, диалектически сочетает в себе способность быть выразителем и бесконечного смыслового многообразия, и некоторых смысловых универсалий одновременно. В числе последних обычно называются такие, как ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, СОБЫТИЕ и др. [3].

Концептуализация ПРОСТРАНСТВА — неотъемлемая часть языковой картины мира. Национальные языки располагают наборами специальных средств